

ЛЮБОВЬ
ИНТРИГА
ТАЙНА

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ВАЛЕРИИ ВЕРБИНИНОЙ —
МАСТЕРА ИСТОРИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ
ОСТРОСЮЖЕТНЫХ РОМАНОВ,
В КОТОРЫХ ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО ЛЮБВИ,
ИНТРИГАМ И ТАЙНАМ:

**Сериял «Амалия –
секретный агент императора»:**

Отравленная маска
В поисках Леонардо
Леди и одинокий стрелок
Ледяной сфинкс
Драма в кукольном доме
Убежище чужих тайн
Письма императора
Зеркало сновидений
Статский советник по делам обольщения
Чародейка из страны бурь
Путешественник из ниоткуда
Ход Снежной королевы
На службе Его величества
Похититель звезд
Ветреное сердце Femme Fatale
Званный ужин в английском стиле
Заблудившаяся муза
Сапфировая королева
История одного замужества
Эхо возмездия
Миллион в воздухе
Вуаль из солнечных лучей
Золотая всадница
Одна ночь в Венеции
Девушка с синими гортензиями

Аквамаринное танго
Черная невеста

Любовно-исторические:

Рыцарь темного солнца
Принцесса морей
Синее на золотом
Замок четырех ветров
Ангелов в Голливуде не бывает
Тайны Баден-Бадена
Снежная роза

Сериял «Адьютанты удачи»:

Адьютанты удачи
Бриллиант Фортуны
Фиалковое зелье

Любовно-криминальные:

Черный нарцисс
Ее любили все
Самый лучший вечер
Разбитое сердце богини
Сиреневый ветер Парижа
Смерть ей не к лицу
Где-то на земле есть рай
Кольцо с тайной надписью

ВАЛЕРИЯ
ВЕРБИЦЫНА

ЭХО ВОЗМЕЗДИЯ

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В31

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Оформление серии *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

Вербинина, Валерия.
В31 Эхо возмездия : [роман] / Валерия Вербинина. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-107739-6

Все были уверены — баронесса Амалия Корф сняла усадьбу в провинции потому, что ее больному дяде Казимиру доктора порекомендовали именно здешний климат. И мало кто догадывался об истинной цели ее прибытия... Неожиданно все планы Амалии спутало трагическое происшествие — гибель студента Дмитрия Колозина. Дмитрия обвиняли в страшном преступлении — убийстве семьи его квартирной хозяйки, но он уверял всех в своей невиновности. На сторону обвиняемого стал известный журналист Снегирев, он и добился освобождения Колозина. Студент явился лично поблагодарить своего благодетеля, но в ночь после званого вечера в доме журналиста его застрелили... Как нарочно, Амалия присутствовала на приеме и невольно оказалась втянута в это дело. Она как никто заинтересована в скорейшем расследовании смерти студента, чтобы следствие не помешало ее истинной миссии...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вербинина В., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-107739-6

Глава 1

Пасьянс, который не удался

Доктор Волин не любил осени. Дни, когда листва становится золотой, когда солнце, нечасто выглядывающее из-за облаков, светит по-особенному нежно и щемяще, когда птицы собираются в стаи, чтобы улетать, и природа готовится к зиме, — эти дни, прославленные столькими поэтами, означали для него лишь грозное увеличение числа простудных заболеваний, среди которых непременно встретится пара запущенных случаев воспаления легких, с которыми придется повозиться. Он не любил коварства осенней погоды, которая то приголубит, то остудит. Как аккуратиста, его раздражали грязь на калошах, уездные дороги, кое-где превращающиеся в форменное месиво, и невыразимо унылый вид, какой приобретают облетевшие деревья в пасмурный день. Скрепя сердце доктор еще готов был мириться с ранней осенью — самой очаровательной ее порой, которую называют «бабьим летом»; но и тут Георгий Арсеньевич чуял подвох. Ведь бабье лето вовсе не лето, и вообще, если разобраться, в нем ничего нет, кроме обмана. Просто несколько теплых дней, которые мало что значат и, уж конечно, ничего не

могут изменить. Потому что осень — вот она, и, если холода ударят внезапно, в земской больнице опять не будет хватать коек для всех заболевших. И опять ему придется хлопотать, унижаться, писать бесполезные письма в управу, а долгими одинокими вечерами, сидя в своем домике возле больницы, смотреть на сумерки за окном и чувствовать опустошенность, знакомую всякому, кто понимает, что его хлопоты тщетны, и все равно продолжает бороться, несмотря ни на что.

Обо всем этом доктор Волин размышлял по пути к Одинцовым, куда его вызвали сегодня. Работа в земской больнице отнимала у Георгия Арсеньевича много времени, но он никогда не отказывал в помощи, если его о ней просили. Впрочем, вне больницы у Волина было мало пациентов, потому что старый врач Брусницкий ревниво оберегал свои интересы и вовсе не собирался сдавать своих позиций. У него лечились по большей части богатые помещики и зажиточные горожане, а к Георгию Арсеньевичу чаще всего обращались либо больные, которые не могли осилить гонорарных аппетитов его коллеги, либо те, кто оказался в обстоятельствах, когда позвать на помощь молодого доктора было проще. Весной Волин лечил знаменитого историка Снегирева, несколько месяцев назад вправлял вывих кучеру генеральши Меркуловой, а сейчас направлялся в имение к Одинцовым. Доктор любил ходить пешком, и так как имение находилось всего в трех верстах от больницы, он решил прогуляться. День был солнечный, ясный, но в воздухе уже ощутимо веяло прохладой, как это нередко случается в последнюю декаду сентября. Волин как раз обходил большую канаву, когда его внимание привлек тоненький писк. Наклонившись, Георгий

Арсеньевич вытащил из травы крошечного белого котенка. Тот дрожал всем телом, и в его голубых глазах застыл немой вопрос: не обидит ли его огромное существо, пришедшее на его отчаянный зов?

— Что же мне с тобой делать, братец? — спросил доктор вслух.

Котенок жалобно мяукнул. Вздохнув, Георгий Арсеньевич сунул его в карман и двинулся дальше. Через четверть часа доктор был уже у дома Одинцовых.

Волин знал, что в семье имеются отец и мать, но сам он имел дело только с младшим поколением — Евгенией, невзрачной круглолицей блондинкой невысокого роста, и безалаберным Николенькой. Евгении уже сравнялось двадцать пять, а в XIX веке это считалось серьезным возрастом для женщины, которая не сумела выйти замуж. Николенька был на три года моложе сестры, но она обращалась с ним так, словно разница между ними составляла лет десять, не меньше. Родители появлялись в имении редко, и, по слухам, доктору было известно, что каждый из них живет своей жизнью, что у матери есть постоянный любовник, а у отца даже несколько любовниц. Это отчасти объясняло поведение Евгении — она вела себя по отношению к брату так, как вела бы себя в ее представлении другая, правильная мать, и не замечала, что слишком часто перегибает палку. Она требовала, чтобы Николенька кутался, чтобы не курил, не ездил в город играть в карты, чтобы читал умные книги, умные статьи — хотя бы того же Снегирева, к примеру, — и имел собственное мнение по поводу земского управления, успехов химии, внешней политики Российской империи и перспектив воздухоплавания. Но Николенька не любил умные книги — как, впрочем, и любые книги

вообще, — не был склонен прислушиваться к чужому мнению, если оно не совпадало с его собственным. В таких обстоятельствах его жизнь с сестрой в одном доме неминуемо стала бы адом — стала бы, не будь Николенька так очаровательно безалаберен и не обладай он поистине бесценным умением ладить с людьми, даже такими строгими, как его сестра. Что бы Евгения ни предпринимала, ей не удавалось перевоспитать брата и заставить его настроиться на серьезный лад. Кое-как он окончил гимназию, в которой запомнился учителям одними проказами, но с университетом ему вскоре пришлось распрощаться, причем он даже не мог толком объяснить, за что же его отчислили.

— Видите ли, Георгий Арсеньевич, мне просто стало скучно. Просыпаюсь я как-то утром, вспоминаю, что надо идти на занятия, и думаю: а зачем? Так никуда и не пошел, и на завтра тоже, и послезавтра. Потом прошел месяц... или два? И меня, представьте себе, отчислили...

Он говорил и улыбался своей открытой, бесхитростной, какой-то детской улыбкой, и доктор поймал себя на том, что вот-вот кивнет и ответит снисходительной репликой в том духе, что Николенька поступил совершенно правильно и в университетах вообще нечего делать.

В тот раз, уйдя от Одинцовых, доктор Волин решил, что Николенька просто никчемный молодой человек, сам доктор при этом был всего на пять лет его старше. Пустое место, и более ничего, сердито думал Георгий Арсеньевич. Вольно ж этому лоботрясу учиться кое-как и бросать университет, когда есть небедные отец и мать, когда можно в любой момент уехать в имение и жить там, ни о чем не беспокоясь!

Одним словом, доктору Волину ужасно хотелось осудить Николеньку и проникнуться к нему презрением, но что-то подобное получалось только на расстоянии, а вблизи Георгий Арсеньевич видел, что Николенька, может быть, и никчемный, но вовсе не такой дурной человек, как могло показаться. «Возможно, если бы не поведение родителей... У его матери роман с промышленником, об их отношениях судачат все, кому не лень... Почему мне кажется, что он какой-то пришибленный, что ли? Всегда улыбается, всегда в хорошем расположении духа, всегда готов отпустить шутку или каламбур... Что-то в таком поведении не вполне нормальное... или я фантазирую?»

— Вот, оторвали от дел занятого человека, — произнес Николенька, лучась улыбкой, — а что это за зверь — ваш? — Он показал на котенка, который высунул голову из кармана доктора.

Георгий Арсеньевич спохватился и объяснил, что он нашел котенка и что тот, судя по всему, голоден. Евгения тотчас же вызвала горничную и велела принести блюдечко с молоком.

— Это очень мило с вашей стороны, Георгий Арсеньевич, что вы не оставили живое существо умирать, — заметила она доктору.

Волин слегка поморщился — его собеседница говорила искренне, но отдающие штампом слова «мило» и «живое существо» царапали слух. Впрочем, он не в первый раз замечал, что Евгения подбирает для своих мыслей выражения, которые так или иначе искажают суть того, что она хочет сказать. Например, сейчас она была уверена, что сделала собеседнику комплимент, а получилась довольно высокомерная и шаблонная ре-

плика. Горничная принесла блюдечко, и котенок стал жадно лакать молоко.

— Так зачем вы меня вызвали, Евгения Михайловна? — спросил доктор.

Он был почти уверен, что повод окажется пустячным, и не ошибся. Краснея и то и дело сплетая и расплетая пальцы, Евгения заговорила о том, что она недавно прочитала статью о туберкулезе и что ее беспокоит кашель брата. Николенька время от времени вставлял замечания, которые должны были показать, что его кашель — сущие пустяки и он даже не помышляет заболеть чахоткой.

— Что ж, я полагаю, мы можем пройти в соседнюю комнату, и я вас осмотрую, — сказал доктор.

— Вы очень меня обяжете, Георгий Арсеньевич, — сказала Евгения и принялась нервно гладить котенка.

Доктор Волин едва удержался от того, чтобы не брякнуть: «Замуж бы вам надо, Евгения Михайловна, да не маяться всякой ерундой». Николенька покосился на него, и по тому, как блеснули глаза молодого человека, Георгий Арсеньевич с неудовольствием понял, что тот угадал его мысли.

— Прощу, — суше, чем ему хотелось бы, промолвил доктор.

Когда через несколько минут он вернулся в сопровождении Николеньки, Евгения Михайловна раскладывала пасьянс, а котенок, побродив по комнате, забрался в коробку с рукоделием, забытую на полу возле кресла, и свернулся калачиком.

— Ну что? — с тревогой спросила Евгения, переводя взгляд с брата на доктора.

— Пациент будет жить, — весело ответил Николенька.

— Я не вижу никаких следов туберкулеза, — сказал Волин. — Небольшая инфлюэнца, только и всего. — Он мог бы сказать «простуда», но предпочел слово, звучащее по-ученому. Доктор не в первый раз замечал, что именно такие необычно звучащие слова надежнее всего успокаивали людей.

Он не ошибся: Евгения просияла.

— Вы меня успокоили, Георгий Арсеньевич... В нашем положении... — она покраснела и запнулась, — я хочу сказать, наша семья... И вообще...

— Уверен, наш гость охотно простит твою мнительность, — заметил Николенька с улыбкой.

— Разумеется, — отозвался доктор. — Поверьте, я был бы искренне огорчен, если бы у вас действительно обнаружился туберкулез.

— Я тоже, поверьте, — в тон ему ответил Николенька, подходя к столу. — Восьмерку на девятку...

— Нет, не надо! Николенька!

— Иначе пасьянс не сойдется.

— Он не сойдется, если трогать эту восьмерку!

— Почему? Восьмерку на девятку... а семерку сюда...

ГМ...

— Ну вот, я же говорила! Пиковая дама мешает... И никак ее не обойти.

— А если так?

— Все равно пиковая дама не даст завершить пасьянс, — Евгения в досаде смешала карты и, собрав их, принялась раскладывать снова. — Вы верите в гадания на картах, Георгий Арсеньевич?

— Нет.

— Почему?

— Я, Евгения Михайловна, скучный человек, — улыбнулся доктор. — Я предпочитаю верить в науку.

А гороскопы, гадания, кофейная гуща — это, простите меня, несерьезно.

— Даже когда то, что они предсказывают, сбывается?

— Это вам так кажется, — серьезно ответил Волин. — То, что вы называете предсказанием, включает в себя набор самых общих элементов, которые к тому же зачастую можно трактовать по-разному. Кроме того, внимание обычно привлекают гадания, которые хоть как-то совпадают с реальностью, и вокруг них поднимают самый большой шум, а большинство предсказаний, что называется, бьет мимо цели, и о них попросту забывают.

— Наверное, вы правы, Георгий Арсеньевич, — вздохнула Евгения, — и все же... Все же хочется думать, что судьба подает нам знаки... и как-то направляет нас... — Она энергично перетасовала карты, разложила их на столе и, морща лоб, принялась за толкование: — Хлопоты... дорога... король — наверное, Николенька, имеешься в виду ты... А это что? Опять пиковая дама. Не иначе какие-то неприятности. — Евгения недовольно повела плечом и смешала карты. — Простите, Георгий Арсеньевич, я, наверное, вас задерживаю со своими глупостями... Сколько мы вам должны?

— Три рубля, Евгения Михайловна.

— Ах, ну да, конечно...

Она завозилась, достала кошелек, вытащила из него три рубля и протянула доктору. Всем присутствующим почему-то в это мгновение было немножко неловко. «Вероятно, Павел Антонович Снегирев вывел бы отсюда какое-нибудь шибко умное заключение... В Европе деньги переходят из рук в руки как нечто само собой разумеющееся, а у нас пациент и

мнется, и тянет время, и вовсе не оттого, что ему нечем платить — это-то как раз было бы понятно... И я, получив деньги, стараюсь как можно скорее спрятать их, словно я их украл...»

— А ваш зверь, доктор? — напомнил Николенька, когда Волин, попрощавшись, сделал движение к двери.

Котенок сладко спал среди обрезков ткани. Георгий Арсеньевич посмотрел на него, и замкнутое обычно лицо доктора немного смягчилось.

— Простите, вы, конечно, правы... Я заберу его.

— Он проснется, — тревожно сказала Евгения, глядя на доктора. — Зачем? Знаете что, Георгий Арсеньевич, оставьте его пока у нас. Обещаю, я буду о нем заботиться... А то вы все время в больнице, вам некогда за ним следить... А когда он подрастет, я верну его вам, если вы пожелаете.

— Вы очень добры, Евгения Михайловна, — серьезно ответил доктор. — В самом деле, ему лучше будет у вас, моя работа оставляет мне слишком мало времени... — Он взялся за ручку двери и, вспомнив о чем-то, обернулся: — Представляете, я даже не успел дать ему имя.

Глава 2

После метели

Вечером пошел первый снег, и то были вовсе не легкие порхающие снежинки, которые тают, едва коснувшись земли, — нет, в уезд наведалась настоящая ведьма-метель, которая несколько часов кряду сыпала и сыпала белые хлопья. Когда доктор на следующее

утро выглянул в окно, он увидел, что клены и сирени, с которых до сих пор не облетели листья, покрыты слоем рыхлого снега. Эта полуфантастическая картина — серо-черные стволы, желтые и багряные листья и всюду белый снег — была бы дорога сердцу живописца, но Волин насупился так, словно увидел своего старого врага, от появления которого не ждал ничего хорошего.

«Для серьезных обморожений, пожалуй, еще не время... Но если какой-нибудь мужик хватил лишку и заснул на улице, то последствия могут быть самыми плачевными...»

Наскоро позавтракав, он направился в больницу, где его уже ждали фельдшер Поликарп Акимович Худокормов и медсестра Ольга Ивановна Квят. В больнице, по правде говоря, работали и другие люди, включая сиделок и сторожа, но именно этих двоих Волин привык воспринимать как своих основных помощников.

Фельдшеру Худокормову недавно исполнилось сорок лет, он происходил из соседней деревни и знал наперечет чуть ли не всех жителей волости, особенности их характеров и их болезни. Что касается его внешности, то, если сложить русые волосы, небольшую бороду, нос картошкой и прибавить к этому очень зоркие и все примечающие глаза, вы получите вполне исчерпывающий портрет Поликарпа Акимовича. К положительным качествам фельдшера можно было отнести в первую очередь смекалистость, а к отрицательным — излишнюю говорливость. По правде говоря, Георгий Арсеньевич особенно ценил Худокормова за то, что тот не создавал ему проблем: не продавал втихаря на сторону больничный спирт, не занимался лечением больных без ведома доктора и не вносил путаницу в

многочисленную документацию, которую вели в больнице.

Медсестре Ольге Ивановне Квят было лет двадцать пять, и она приехала из Петербурга. Блондинка, не то чтобы красивая, но и не дурнушка, она очень мало занималась своей внешностью и оттого редко производила выгодное впечатление. О себе она рассказывала крайне неохотно. Она казалась собранной, профессиональной и чрезвычайно замкнутой, но Волин был далеко не глуп и подозревал, что за ее упорным молчанием скрывается какая-то тягостная — и, вероятно, банальная — житейская драма. Почти каждую неделю она получала письма, которые потом рвала в мелкие клочья, и не раз после этого доктор видел ее с красными глазами.

— Много народу сегодня? — спросил Волин у фельдшера, который вел учет пришедших на прием.

— Никак нет-с, Георгий Арсеньевич. И двух десятков не наберется.

— Пока я буду делать обход, наверняка еще подойдут, — усмехнулся доктор. — Тяжелых нет?

Поликarp Акимович ответил, что таковых не наблюдается, и Волин в сопровождении Ольги Ивановны отправился делать обход.

Желтые стены, серые одеяла на койках, лица, светящиеся надеждой, лица, утратившие ее, температурные листки, сиделки — этот обход был такой же, как всегда, и доктор выписал двух пациентов, в состоянии которых был совершенно уверен.

Потом начался прием больных, и одни пациенты конфузились, рассказывая о своих хворях, а другие, наоборот, впадали в неуместное красноречие и говорили много такого, что вообще не относилось к делу. По ха-